

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (3)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлегия журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Никитин В.В. Памяти Друга7
Калинина И.В. Слово о Рустеме Султановиче Габяшеве15

Статьи

Лычагина Е.Л. Роль Р.С. Габяшева в изучении
неолита Волго-Камья17
Никитин В.В. Неолитизация лесного Волго-Камья22
Вискалин А.В. О преемственности каменного инвентаря
позднемезолитического и раннеолитического
населения Нижнего Прикамья32
Березина Н.С. О гребенчатых комплексах неолита
Чувашского Поволжья41
Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения памятников
ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья52
Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной
технологии Нижнего Прикамья и времени распространения
древнейших керамических традиций60
Королев А.И. Некоторые аспекты изучения самарской культуры87
Сидоров В.В. Специфика каменной техники волосовской культуры96
Штилов А.В. Хронологические комплексы
XX Кузькинской стоянки в Нижнем Прикамье113
Косменко М.Г. Принадлежность и функции
каменных сооружений в Карельском Поморье126
Черных Е.М. Позднеананьинское святилище
на Зуевключевском I городище (Нижнее Прикамье)153
Фонякова (Чувило) Н.А. К семантике Шиловских пластин166
Данич А.В. Поясные накладки Питерского
(Степаново Плотбище) могильника181
Смагулов Е.А. Исследования древнего Туркестана:
итоги раскопок 2011–2012 гг.197
Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Этапы медного
монетного обращения в Булгарском вилайате
(вторая половина XIII – первая треть XIV вв.)216

Хроника

<i>Хузин Ф.Ш., Владимиров Г., Ситдииков А.Г.</i> IV Международный Болгарский форум «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации» (Варна, Болгария, 22–25 октября 2012 г.)	232
<i>Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i> К юбилею Г.И. Дроздовой	237
<i>Садугина Н.П.</i> К юбилею И.Н. Васильевой	240
Список сокращений	244
Правила для авторов	246

CONTENTS

Nikitin V.V. To the memory of friend7
Kalinina I.V. A word about Rustem Sultanovich Gabyashev15

Articles

Lychagina E.L. The role of the R. Gabyzshev
to study Neolithic Volga-Kama region17
Nikitin V.V. Neolithization of forest Volga-Kama region22
Viskalin A.V. Stonetools continuity of late Mesolithic
and early Neolithic population of the Lover Kama region32
Berezina N.S. On the Neolithic comb-ornamented ware assemblages
of Chuvash Volga area41
Stavitsky V.V. Discussion of the study of the monuments
Middle Volgas comb-ceramics52
Vasilyeva I.N., Vybornov A.A. About Neolithic pottery technology
in the Lower Kama Region and the time
of ancient ceramic traditions expansion60
Korolev A.I. Some aspects of Samara culture investigation87
Sidorov V.V. Specificity of stone technology Volosovo culture96
Shipilov A.V. Chronological complexes of XXth Kuzkinsky stand
in the Bottom Prikamye113
Kosmenko M.G. Belonging and functions of stone constructions
in Karelian maritime area126
Chernych E.M. Sanctuary on the Zuevoklychevskoe I settlement
of the late Ananyino the Lover Kama Region153
Fonyakova (Chuvilo) N.A. To the semantics of plates
from the village of Shilovka166
Danich A.V. Flange sheets of Peter burial ground
(Stepanov's rafting ground)181
Smagulov E.A. Archaeological studies of the ancient Turkestan:
results of 2011–2012197
Bugarchev A.I., Petrov P.N. Stages of copper coin circulation in Bulgar willayat
(the second half of the XIII – the first third of the XIVth cc.)216

Chronicle

<i>Khuzin F.Sh., Vladimirov G., Sitdikov A.G.</i> IV International Bulgar forum «Origins, historical development and cultural heritage of Bulgarian Civilization» (Varna, Bulgaria, 22–25 October 2012)	232
<i>Abdullin Kh.M., Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh.</i> On the anniversary of G.I. Drozdova	237
<i>Salugina N.P.</i> On the anniversary of I.N. Vasilyeva	240
List of abbreviations	244
Rules for authors	246

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ТУРКЕСТАНА: ИТОГИ РАСКОПОК 2011–2012 гг.

© 2013 г. Е.А. Смагулов

Представлены результаты работ Туркестанской археологической экспедиции Института археологии им. А. Маргулана на городище Ески-Туркестан в 2011–2012 гг. Городище представляет собой остатки древнего города Ясы (современный г. Туркестан, Южно-Казахстанская область). Целью раскопок было исследование ранних слоев городища, изучение древнейших этапов зарождения города, в частности, выявление застройки его древней цитадели.

Установлено, что древнейшее ядро города располагалось под холмом Культобе на восточной окраине городища. Древнейшим архитектурным объектом цитадели является крестообразная в плане постройка с мощными пахсовыми стенами, сохранившимися на высоту более 3 м и прорезанными узкими бойницами. Три помещения сообщались между собой арочными дверными проемами. Во втором строительном горизонте к этому «замку» было пристроено здание из длинных узких помещений вокруг открытого небольшого двора. В этот период по периметру цитадели возводятся мощные пахсово-сырцовые крепостные стены и частично застраивается пространство между ними и расширившимся замком. Эти два периода могут быть датированы I–III вв. н.э. Заканчивается этот этап разгромом и мощным пожаром. В слое пожара найдены многочисленные развалы керамических сосудов. Также получены отдельные уникальные находки, особенно интересны алебастровые идола. Восстановление крепостной стены и новый этап застройки цитадели относятся к IX–X вв. В основании новой стены обнаружены горшки с жертвенной пищей, на одном из них имеется руническая надпись.

Ключевые слова: археология, Южный Казахстан, Туркестан, I–III вв. н.э., раннее средневековье, городище, цитадель, крестообразная постройка, крепостная стена, алебастровые идола, керамика.

Городище Ески-Туркестан – археологический памятник средневекового города Туркестан, центра одноименного района Южно-Казахстанской области РК, имевшего в раннее время название Ясы. Этот город известен в исламском мире как место, где расположена гробница суфийского проповедника, мистика и «апостола истины», основателя одного из распространенных суфийских тарикатов Ходжа Ахмеда Ясави. Тем и приметен в настоящее время на туристической карте Казахстана. Мавзолей-ханака Ходжа Ахмеда в Туркестане, пожалуй, самый посещаемый в стране туристический объект.

Проводимые Туркестанской археологической экспедицией Института археологии им. А. Маргулана (г. Алма-Ата) раскопки ранних слоев городища Туркестан имеют целью исследование древнейших этапов зарождения города, и, в частности, выявление и изучение застройки его древней цитадели¹. Данные работы ознаменовали

¹ В исследованиях ТАЭ на городище Культобе помимо сотрудников Института археологии им. А. Маргулана принимают участие А. Ержигитова (г. Шымкент) Э.Д. Зиливинская (г. Москва), А. Торгоев (г. Санкт-Петербург), А. Сулейменова (г. Нукус). Пользуюсь случаем выразить всем коллегам искреннюю признательность за плодотворное сотрудничество.

очередной этап в накоплении новых фундаментальных данных по урбанизации региона в целом и по истории древнейших этапов возникновения и развития города Туркестан.

Для углубления историко-культурных выводов требуется решительное расширение базы фундаментальных источников, к которым относятся археологические материалы. С этой целью в 2012 г. нами были продолжены исследования древнейших слоев Туркестана, скрывающихся под холмом Культобе на восточной окраине городища. Основной целью данной статьи является публикация некоторых итогов и материалов, полученных в ходе этих работ.

В предыдущий сезон здесь была частично вскрыта застройка древней цитадели, состоявшая из комплекса оборонительных, жилых, культовых помещений (Смагулов и др., 2011, с. 61–71). В кратком изложении итоги работ сезона 2011 г. выглядят следующим образом.

Планировка. Крестовидное здание. В южной части раскопа выявлено массивное сооружение крестовидной в плане формы. Размеры «креста» 18 x 18 м, ширина «лучей» 7 м. Они ориентированы почти точно по направлению сторон света с небольшим смещением по азимуту (8°). Концы крестовины закруглены. Стены сохранились на высоту до трех метров и более. Они возведены из пахсы и сырца. Внешние стороны стен имеют небольшой положительный уклон. В этом здании открыто три помещения: центральное длинное помещение (А), ориентированное по линии В–З размером 13,7 x 2,9 м и по одному помещению, сообщающемуся с ним арочными проходами и расположенными

по обе стороны от центрального (В, С; 2,35 x 2,9 м) (рис. 1). Имеющиеся наблюдения и материалы свидетельствуют, что «крестовидная постройка» является наиболее ранней или первоначальной из вскрытых пока архитектурных сооружений, т.е. ее можно отнести к периоду 1 (СГ1) застройки древней цитадели.

Важным моментом, указывающим на назначение здания первого периода является наличие бойниц на открытых участках стен помещения А, а также в помещениях В и С (рис. 2). Бойницы щелевидные, расположены в 1 м от нижнего, вероятно, основного пола в этом помещении. Вход у них прямоугольной формы размером 35 x 10–12 см. Полик наклонный, расположен под углом 20 градусов. Выход бойниц, судя по единственной целиком расчищенной бойнице, расположенной в юго-восточном углу помещения имеет размеры 0,95–1 м.

В строительной истории помещения А можно выделить три этапа. В последнем периоде в восточной стене помещения А была устроена «катакомба». Камера, условно названная «катакомбой», имеет в плане неправильную овальную форму и вытянута по линии З–В. Вход вырублен в восточной стене помещения А со сдвигом к северу. Камера размером 3 x 1,7 м и высотой от 1,4 до 1,6 м. Стенки камеры не ровные; потолок, который местами обвалился, придана сводчатая форма. На полу камеры ничего не обнаружено.

Юго-восточное здание. С юго-восточной стороны к южному и восточному концам «крестовины» пристроен комплекс узких длинных сводчатых помещений (пом. 1а, 5, 4, 11, 12, 13) замыкающих открытый

внутренний дворик (пом. 3). Общая площадь комплекса в реконструкции не менее чем 20 x 16,5 м. Условимся называть эту часть комплекса «юго-восточным зданием». Оно пристроено к юго-восточному сектору крестовидного здания (к восточной дуге внешнего обвода пом. С и южной дуге восточного обвода пом. А, см. рис. 1). Центром планировки здания является небольшой двор (пом. 3), имеющий пятиугольную форму, в обводе трех узких сводчатых помещений (1а, 4, 5). С западной стороны его стенами являлись внешние грани стен крестовидного здания.

На внешнем фасаде восточного помещения 1а зафиксирована овальная башня (пом. 1)². Здание, безусловно спланировано и строилось одним архитектором по заданному плану. Коридоры первоначально перекрывались коробовыми цилиндрическими сводами, выведенными наклонными отрезками. Проходы первоначального здания имели полуциркульные кружальные клинчатые арки. Последние два факта свидетельствуют о весьма высоком уровне проявленного здесь строительного искусства.

Стены помещений 1а и 5 со стенами «крестовидного здания», естественно, не имеют перевязки, в то время как между собой пахсово-сырцовые стены «юго-восточного здания» перевязаны. В помещении 5 вдоль длинных стен выявлены низкие (0,3 м) суфы шириной 0,8 м с узким (0,8 м) пространством пола между

ними. В западном конце помещения на полу расчищен развал хума, на плечике которого был тамгообразный знак в виде простого креста. В ранний период помещение 5 арочным проходом в северо-восточной стене было связано с помещением 3.

В помещении 3, которое было, по всей вероятности, открытым внутренним двориком, выявлена пачка прослоек полов общей толщиной более полуметра. Пока частично зачищены три верхних слоя. На верхнем уровне глиняной обмазки обилие мелкой гальки и песка, а в полу зафиксированы идущие по кругу (диам. 3,5 м) круглые отверстия (диам. 8–12 см) глубиной 15–20 см. Отверстия заполнены преимущественно чистым речным песком. Можно предположить, что они служили для установки основных деревянных стоек некоей каркасной конструкции. При частичном снятии слоев обмазки пола получен небольшой комплекс керамики, в основном это чаши-фиалы и кувшины (рис. 3), обилие разбитых костей МРС и КРС. По мере снятия слоев обмазки пола увеличивалось и количество цилиндрических отверстий в полу. Очевидно, каждый уровень пола связан со своей системой отверстий. В галечном верхнем слое найдены две нашивавшиеся на одежду миниатюрные круглые золотые бляшки с тисненой розеткой на поверхности (рис. 4: 4).

Из этого дворика арочные проходы вели в помещения 1а, 5 и 4. В последнем был устроен пандус, который выводил на верхний уровень здания (на «второй этаж»). И оно также общалось арочным дверным проемом с помещением 1а. Из этого коридорообразного сводчатого (сохранились ряды кирпичей основания свода) по-

² Башня на всю сохранившуюся высоту была заполнена булыжником. Очевидно, что такие же башни должны быть и на внешних фасадах западного и южного коридоров, но в настоящий момент они еще не открыты.

Рис. 1. План раскопа 2 цитадели Ясы. Осень 2012 г.

мещения арочный проход первоначально вел в помещение полукруглой башни (пом. 1).

Помещение 1а (или «восточный коридор») вскрыто до уровня верхних полов, относящихся к третьему строительному периоду всего комплекса и, следовательно, ко второму строитель-

ному периоду юго-восточной пристройки. Это узкое помещение шириной 2,4 м исследовано на протяжении 8,8 м (рис. 1). Восточная, северная и южная стены сложены комбинированной техникой из пахсы и сырцового кирпича, последний имеет размеры 44–46 x 24–26 x 8 см. Толщина за-

Рис. 2. Бойницы в помещении В «крестовидного здания».

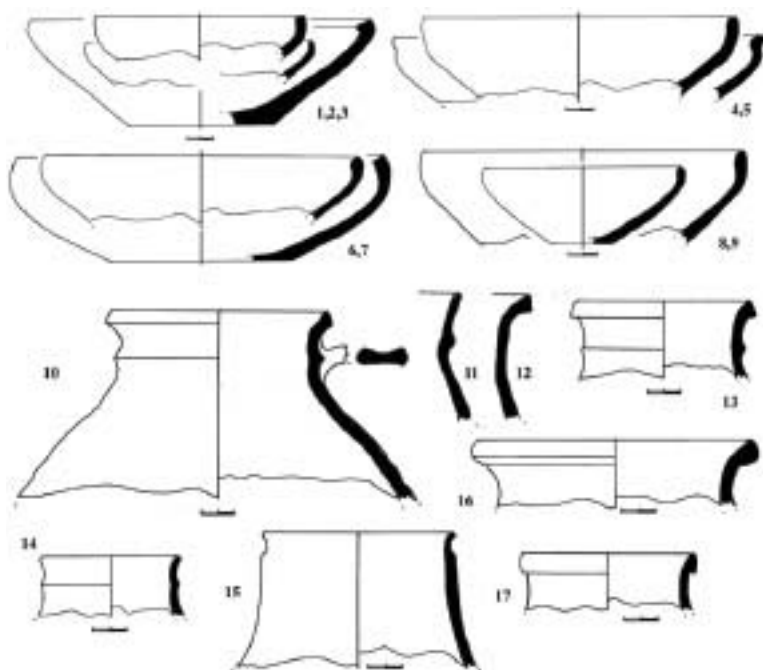

Рис. 3. Керамический комплекс с верхних полов помещения 3 (двор).

ливных пахсовых лент 17–22 см. Изначально помещение было перекрыто коробовым цилиндрическим сводом выложенным наклонными отрезками. Основание свода в виде ступенчатого карниза из двух рядов сырцового кирпича размером 26 x 16 x 8 см. Кирпичи обоих рядов выведены напуском, в результате чего карниз имеет ступенчатый профиль, выступая за линию

стены на 8 см. Такая же конструкция свода зафиксирована и в других узких помещениях.

Постройку и период существования юго-восточного здания вместе с крестообразным зданием в виде единого комплекса будем понимать как второй строительный горизонт цитадели (СГ2). Непосредственно после строительства юго-восточного здания

происходит облицовка внешней стены крестовидного здания, наиболее хорошо сохранившаяся в северо-восточном и северо-западном секторах внешнего фаса здания. Облицовка полностью скрывает бойницы, видимо, в связи с их полной ненужностью, что явно свидетельствует об изменении функционального назначения самого здания. Эта облицовка была сделана из желтоватого кирпича размером 52–54 x 27–28 x 8 см, на белесом растворе толщиной 11–18 см между рядами кирпича. По времени эта облицовка, видимо, близка к ремонту стен в помещении А второго строительного периода. О том, что эта «рубашка» была построена позже строительства юго-восточного здания, свидетельствует то, что она пристроена к торцу помещения 1а юго-восточного здания.

Имеющиеся аналогии архитектурным объектам цитадели Культобе датировали оба строительных этапа вскрытой застройки I–IV вв. При этом была отмечена уникальность сложившегося единого архитектурного комплекса из двух типов древних построек, встречавшихся обычно по отдельности (Смагулов и др., 2011, с. 61–71).

В ходе работ сезона 2012 г. почти вдвое была увеличена площадь раскопа путем прирезки участка с юго-восточной стороны, доисследовались ранее не полностью вскрытые помещения и полы, открывались некоторые арочные проемы, зондировались основания стен ранее вскрытого «крестообразного здания». При этом была обнаружена восточная крепостная стена цитадели и северный угол, который образует эта стена в 18 м к северу от северной башни юго-восточного

здания (пом. 1). В этом углу вскрыта пятикомнатная постройка, названная нами «угловой дом», пострадавшая в сильном пожаре. На полах помещений «углового дома» после пожара остался слой разнообразной битой керамической посуды и некоторые интересные находки. Начато изучение крепостных стен цитадели. Получены данные к датировке основных периодов ее строительства и ремонтов/перестроек.

«Угловой дом». Расширение раскопа в восточную сторону на 20 x 32 м выявило в 10–20 м от стен юго-восточного здания/замка внешнюю крепостную стену цитадели, идущую с юга на север. Можно предположить, что эта стена синхронна со вторым этапом застройки цитадели, во время которого и было сооружено «юго-восточное здание». В 24 м к востоку от крестообразного здания, судя по топографии, имеется угловая башня (восточная)³, от которой стена изменяет направление на западное (рис. 1). Пространство между крепостной стеной и юго-восточным зданием оказалось большей частью не застроенным по уровню выше его пола на 1,35–1,45 м. Т.е. по уровню строительного горизонта, представленного развалинами здания в восточном углу крепостных стен, или «углового здания». Здесь выявлена жилая постройка из пяти небольших прямоугольных помещений (№ 24, 25, 26, 27, 30), закончив-

³ Был ли оформлен угол крепостной стены башней, имевшей отдельную конструкцию, пока не ясно. Это только предстоит установить в следующем сезоне. Вполне вероятно, что таковой здесь и не окажется вовсе. Как показали исследования фортификации синхронного Актобе 2 Чардаринского, здесь углы крепостных стен не имели башен (Максимова и др., 1968, с. 14).

не найдено ни горсти продовольственных припасов. Но в одном из хумов в помещении 30 обнаружена небольшая бронзовая шпилька.

Само угловое помещение 26 небольших размеров: 4,7 x 1,8/2,7 м. Восточная стена помещения, являющаяся гранью крепостной стены, имеет уступ в 0,9 м примерно в средней части длины. Таким способом, видимо, добивались параллельности стен в помещении, поскольку подквадратное в плане здание встроено в тупой угол крепостных стен. В 2 м от восточного угла в стене имеется вертикальный колодец дымохода камина. Но на уровне двух вскрытых пока полов этого помещения камин не обнаружен. Похоже, этот дымоход начинается еще ниже, и таким образом он подсказывает, что в этом доме есть еще один, нижний/субстратный строительный период. Его расчистка – дело следующего сезона. Второй пол (сверху) и поверхности невысоких суф (12 см) верхнего горизонта были тщательно покрыты белой алебастровой обмазкой.

Дверным проемом с высоким порогом (0,45 м) вдоль западной стены это помещение сообщалось с помещением 24 размерами 3,5 x 2,5 м. В первом строительном периоде в помещении вдоль южной стены была высокая (0,45 м) узкая (0,8 м) суфа. Во втором периоде она была почти скрыта новым уровнем пола, на котором был сосредоточен наибольший развал сосудов и угли от сгоревших балок перекрытия (рис. 5). Уровень залегания этого пола от R_0 – 60 см.

Дверным проемом помещение 24 сообщалось с помещением 25, которое было вытянуто вдоль торцов двух помещений – № 27 и 30. Эти два помещения при одинаковой длине (4,7

м) имели различную ширину (2,15 и 2,5 м). Помещение 25, видимо, было основным жилым помещением этого дома. Именно в нем имеются на верхнем и на нижнем полу следы очагов в виде пристенного камина. Из него можно было попасть в другие помещения комплекса, к тому же вход в дом осуществлялся через дверь в южной стене этого помещения. Входной проем шириной 1,1 м имелся в середине стены. Южная, наружная стена этого дома достигала толщины 1,3 м, в то время как внутренние стены – 0,5–0,6 м. Все стены глинобитные и без штукатурки. Если восточная стена этого «углового дома» сохранилась, поскольку это и крепостная стена, на высоту более 3 м, то противоположная, западная, обращенная к юго-восточному зданию, имеет очень плохую сохранность. Она основательно разрушена более поздними мусорными ямами.

На полу помещений № 24, 25, 30 развалы керамики, внушительные залежи обломков хумов, хумчей и фляг залегают и за южной стеной, над помещениями 21 и 22. Здесь к югу пока не наблюдаются контуры стен помещений даже при тщательнейшей горизонтальной зачистке. Впечатление такое, что здесь была открытая территория двора и сюда попали обломки сосудов одномоментно и во время пожара, и разгрома в помещениях «углового дома». Т.е. уровень развала сосудов в помещениях 24–27, 30, уровень над помещениями 21, 22 и наклонный уровень далее на юг еще на 3–4 м можно хронологически объединить этим слоем обломков сосудов, среди которого найдена и целая небольшая фляга, и кувшинчик и кое-какие вещички. Правда, уровни

Рис. 6. Алебастровые и керамические идолы: 1, 2, 3 – идолы из Культобе (III–IV вв.); 4, 9 – из могильника Ворух, Фергана, II–IV вв. (по: Брыкина, 2001); 5 – могильник Ташрават, Фергана, IV–V вв. (по: Брыкина, 1987); 6 – Актобе 2, II–IV вв. (по: Максимова и др., 1968); 7, 8 – Дильбирджин, Сев. Афганистан, II–III вв. (по: Кругликова, 1977); 10, 11 – городище Сидак, VI–VII вв.; 12, 13 – городище Актобе 1, VI–X вв. (по: Максимова и др., 1968).

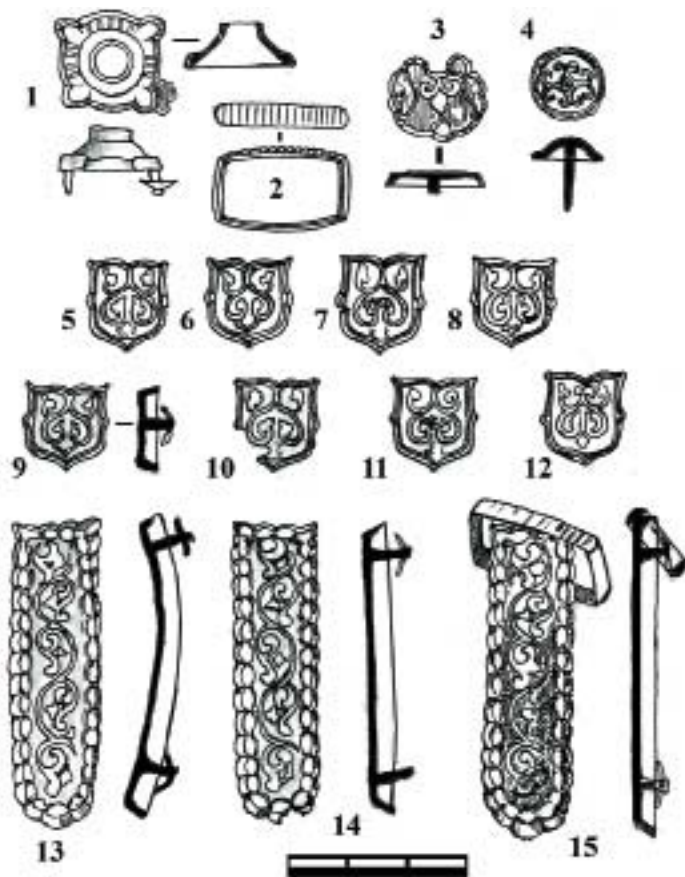
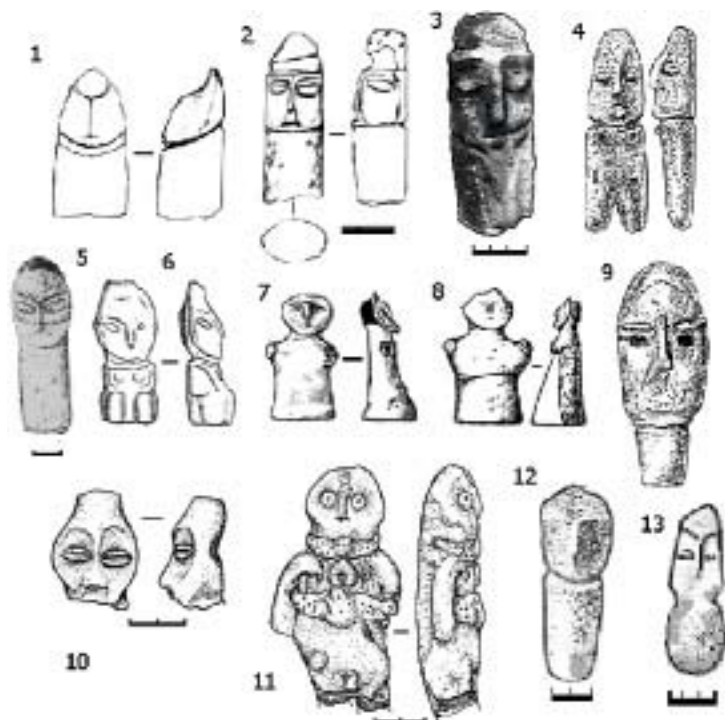

Рис. 7. Декоративные бляшки уздечки из ямы в крепостной стене.

полов в помещениях 24–25 несколько выше уровня залегания южного завала керамики, но, вероятно, здесь был рельеф с повышением к северу, туда, где была угловая башня. Кстати, на этом участке как раз на уровне, где лежал слой обломков хумов, найдена бронзовая подвеска. Она относится к весьма распространенной во времени и пространстве форме наконечников украшений. Из-за сходства с отпечатком лапки водоплавающей птицы, они так и именуются в специальной литературе – «лапчатые подвески». Широко распространены в карасукских древностях западной Сибири и широко известны в погребениях и на поселенческих памятниках Сибири вплоть до развитого средневековья (XII–XIII вв.). Естественно, бытуя столь продолжительное время и в столь обширном регионе, по форме они очень разнообразны, хотя и сохраняют ряд родовых признаков, позволяющих легко определять их среди иных форм бронзовых украшений-подвесок. Недавно опубликована целая серия морфологически разнообразных, хотя и практически синхронных форм подобных подвесок из раскопок поселения Сихиртя (XII–XIV вв.) в бухте Находки (Кардаш, 2011, с. 24, рис. 30). Подвеска из Культобе по форме ближе к аналогичным изделиям ирменской культуры поздней бронзы в Западной Сибири (Умеренкова, 2011). Только здесь в форме подвески намечается округлый средний элемент.

Наиболее интересные находки были сделаны в слое пожара, на полу с развалами керамических сосудов в помещениях 23, 25, 30. Здесь обнаружены три алебастровых идола, «алебастровое яйцо», обломок керамиче-

ского сопла и еще ряд мелких изделий из камня и керамики.

Идолы. В трех помещениях «углового дома» (№ 24, 25, 30) на полу среди обломков хумов и углей от сгоревших балок перекрытия найдены небольшие алебастровые идолы (рис. 4; 6: 1–3). Фигурки небольшие, предельно упрощенные. Похоже, что они не имеют заметных изломов, т.е. сохранились полностью.

Первая фигурка высотой 9,5 см, толщиной 3,8–4,0 см. Моделирована лишь голова и лицо на конце алебастрового стержня, приостренного с одного конца. Показан головной убор или прическа, перехваченная на лбу широкой лентой. Моделированы надбровные дуги, переходящие в прямой узкий нос. Большие миндалевидные глаза без зрачков показаны выборкой фона. В области шеи – кольцевая бороздка. Обратная сторона уплощена. Фигурка была окрашена в красный цвет. Остатки краски сохранились на щеках (рис. 4: 2; 6: 2).

Вторая фигурка 8,6 см высотой, шириной 4,1 см (рис. 4: 3; 6: 1). Половину высоты ее составляет голова, отделенная от «туловища» кольцевой бороздкой, которая заметна и на уплощенной спине. Лицо моделировано абсолютно лаконично, но при этом выразительно. Для этого понадобилось собственно три плоскости – слегка вогнутая плоскость лба и ровные плоскости щек и скул, которые под углом соединяются посередине лица. При этом образуется прямой длинный нос, а глаза даже не намечены. Этот прием моделировки лицевой части антропоморфных фигурок использован, похоже, при изготовлении керамических фигурок, найденных в склепе № 328 могильника Алтынасар

и в подбойной могиле 331 (Левина, 1996, с. 246). Керамические идолы, более примитивные и менее выразительные, были найдены, как известно, и в слоях Джетыясар 3 и Алтынасар (Левина, 1968, с. 140–168).

Третий идол несколько больших размеров найден в соседнем помещении № 27 на верхнем полу. Представляет собой овальный в сечении длинный брусок алебаstra (рис. 4: 1; 6: 3). Высота 13,5 см, средняя ширина 5,3 см, толщина 3,4 см. Фигурка целая. Со стороны спины уплощена, передняя – выпуклая. На ней верхняя половина оформлена в виде головы. На лице слабым рельефом показаны большие миндалевидные глаза, прямой длинный нос, намечены губы. Врезная тонкая линия отделяет голову от туловища. Ниже этой линии под подбородком показан некий треугольный элемент – или борода, или разрез ворота наплечной одежды. Слабым рельефом показаны надбровные дуги и резко скошенный назад лоб. При этом верх головы приобретает как бы деформированный вид. Скорее всего, фигурка имела раскраску, которой выделялись слабо-рельефные детали облика.

Помимо фигурок из алебаstra на этом же полу найдена странная поделка из того же материала – алебаstra, но в виде удлиненного яйца; поверхность заглажена и, похоже, была окрашена в красно-коричневый цвет. Длина ее 11,5 см, наибольший диаметр посередине 4,6 см. Весьма соблазнительно трактовать эту находку как заготовку для изготовления вышеописанных идолов, чему она соответствует своими размерами, формой и материалом.

Культобинские идолы выглядят художественно маловыразительными с

предельно обобщенными деталями, черты лиц как бы стерты или сглажены, окраска почти исчезла, сохранилась лишь в виде едва заметных намеков. Это явление, помимо того, что изначально могла быть такая художественная традиция, может иметь другое объяснение. Фигурки эти выполнены из алебаstra, это вещество еще называли «меловым камнем». У этого материала под воздействием влаги поверхностный слой имеет свойство разрушаться, превращаясь в белый осыпающийся порошок. На это явление обратил внимание еще Н. Веселовский на заре сарматской археологии, когда впервые нашел такие алебастровые фигурки под одним из курганов на юге России (Веселовский, 1910а, с. 1–11; Городцов, 1910, с. 90–91; Веселовский, 1910б, с. 98–102).

Как показывают находки, важным средством выразительности у этих фигурок была раскраска. Мелкие детали облика – черты лица, элементы одежды пр., вероятно, изображались рисунком на белой поверхности. Этот художественный прием широко применялся в оформлении алебастровых скульптур, а терракотовые скульптурки иногда специально покрывались слоем алебаstra. Например, кайрагачские терракотовые идолы для усиления эффекта полихромных красок на белом фоне специально покрывались слоем белой алебастровой обмазки, и таких слоев могло быть несколько (Брыкина, 1982, с. 90).

Подобные находки идолов вполне ожидаемы в «доисламских слоях» присырдарьинских поселений. Локализация идолов из ранних памятников Средней Азии, проведенная в обзоре Г.А. Брыкиной в связи с публикацией уникального культового комплекса

из Кайрагача (Фергана), показал, что именно в присырдарьинском регионе наиболее часто встречаются такие антропоморфные фигурки (Брыкина, 1982, с. 96, рис. 63). Их керамические подобия встречены в нижних слоях джетысарских крепостей на древних нижних руслах Сырдарьи (Левина, 1968, с. 140–168). Территориально нам ближе находки с городищ Актобе I и Актобе II на Чардаре. При раскопках здесь найдены три фигурки. Фигурка с Актобе 2 Чардаринского хронологически наиболее близка культуобинским «алебастровым статуэткам». Но она представляет образ сидящего персонажа и, к сожалению, в публикации не указано ее стратиграфическое положение. Авторы определили фигурку как изображение женщины, а на рисунке для убедительности такой трактовки полукруглыми скобками даже показана грудь «женского божества местного пантеона». При этом исследователи отметили уникальность данной находки среди подобных фигурок (Максимова и др., 1968, с. 71). Две другие фигурки найдены при раскопках на соседнем городище Актобе I, и их стратиграфическое положение достаточно определено. Это раннесредневековые слои и даже слой IX–X вв. По мнению авторов, распространение алебастровых идолов в памятниках с хронологическим диапазоном в тысячу лет «говорит о длительном почитании божества». Находки идолов даже в слоях IX–XI вв., т.е. спустя два–три столетия после арабского завоевания, проникновения и распространения здесь ислама, указывают на живучесть этого культа (Максимова и др., 1968, с. 146). Станным образом эти фигурки из поздних слоев Актобе I

иконографический наиболее близки культуобинским (рис. 6: 6, 12, 13).

При публикации первых же находок «алебастровых идолов» в Средней Азии, авторы отмечали их сходство с изделиями, известными по раскопкам курганов и поселений в Северном Причерноморье и на северном Кавказе (Литвинский, 1961, с. 71–72; Баруздин, Брыкина, 1962, с. 27). Как и на северо-востоке Средней Азии, в этих регионах в первые века н.э. происходит активное оседание полукочевых племен «сарматского круга». Прежнее местное население подвергается «сарматизации» и в этих регионах, естественно, происходят схожие историко-культурные процессы. Очевидно, что сохраняет свою актуальность вывод И.Т. Кругликовой о том, что «общие черты в материальной культуре населения этих отдаленных территорий (Северного Причерноморья и ряда районов Азии) прослеживаются в первые века н.э. в распространении, кроме идолоподобных статуэток, также и краснолощеной керамики, сосудов с зооморфными ручками, тамгообразных знаков, статуэток всадников и ряда других элементов. Но этот вопрос еще ждет серьезного исследования» (Кругликова, 1977, с. 91).

Обзор находок подобных идолов в Средней Азии, предпринятый в свое время Г.А. Брыкиной, избавляет нас от необходимости повторного описания историко-этнографического и культового контекста бытования этих фигурок (Брыкина, 1982, с. 88–114; Брыкина, 1987, с. 25). Отметим лишь, что все случаи употребления их в присырдарьинском регионе можно интерпретировать как проявления культа предков. Хронологически синхронными культуобинским следует признать

статуэтки из Дильберджина, даже при их очевидном стилистическом различии (Кругликова, 1977, с. 87–91).

Исследователями отмечалась редкость подобных находок в Средней Азии гунно-сарматского времени и их недостаточность для сколько-нибудь надежных аналитических выводов. Однако количество фигурок идолов в археологических коллекциях все увеличивается, и даже беглый обзор далеко не полной выборки со всей очевидностью показывает исключительную вариативность этой категории местной мелкой пластики (рис. 6). Вероятно, что со временем культобинские находки займут свое место в группе самых простых по форме алебастровых идолов без выделенных конечностей.

Пока же, несмотря на плохую сохранность тонких деталей облика статуэток, можно констатировать, что прообразом фигурок служил антропологический тип с прямым крупным носом, большими миндалевидными выпуклыми глазами, скошенным назад лбом и вытянутым вверх-назад черепом.

Из других находок на верхнем полу помещения 25 среди обломков керамики отметим небольшую прямоугольную керамическую двухчастную коробочку высотой 3 см, размерами 5 x 3 см; каменный сурматаш длиной 16 см; круглую каменную миниатюрную чашечку диаметром 8 см и большой фрагмент керамического сопла для мехов, используемых в металлоплавильных горнах.

Среди керамических сосудов, собранных на полах «углового дома», абсолютно преобладают сосуды, изготовленные ленточной технологией, покрытые цветными ангобами (бе-

жевый, желтый, красно-коричневый, черный). В комплексе многочисленными обломками представлены, помимо хумов и хумчей, крупные кувшины с трубчатым носиком-сливом, широкогорлые кувшины средних размеров, двуручные горшки, кружки различных форм, миски разных размеров и фляги. В целом данный керамический комплекс подобен керамике второго этапа каунчинской и оттарско-каратауской культуры (по Л.М. Левиной) из памятников средней и нижней Сырдарьи, Ферганы и других районов северо-востока Средней Азии (Левина, 1971). Традиционно основная масса этих памятников датируется довольно широко, приблизительно в пределах I–IV вв. н.э.

Комплекс керамики, полученный из слоя пожара «углового дома» полностью аналогичен, например, керамике из городища Актобе 2 Чардарьинское. Этот памятник интерпретирован как однослойный и период его существования определен в пределах I–III вв. н.э., а время гибели отнесено к началу IV в. (Максимова и др., 1968, с. 20, 70).

Своим западным углом это здание пристроено к восточному углу помещений 11–13 юго-восточного здания. Хотя уровни его полов на 1,3–1,5 м выше уровня верхних полов помещений юго-восточного здания, и на 1,6–1,75 м выше полов в помещениях крестообразной постройки, мы все же можем синхронизировать «угловой дом» с юго-восточным зданием и отнести случившийся здесь пожар не позже чем к началу IV в. н.э.

Крепостная стена цитадели.

Как отмечалось выше, расширение раскопа 2 в восточном направлении привело к вскрытию участка «восточной крепостной стены цитадели» дли-

ной в 26 м. Для выявления структуры был предпринят ее разрез шириной 1 м. Установлено, что древняя крепостная стена цитадели имеет толщину до 3,2–3,8 м и несколько ремонтных прикладов. Возведена она из пахсы с прослойками из сырцового кирпича. Т.е. по структуре древняя крепостная стена подобна стенам юго-восточного здания, где так же применена кладка тонкими слоями пахсы с сырцовыми прослойками. Слои пахсы в крепостной стене 25–26 см толщиной и один слой сырцов толщиной 8–9 см. Размеры сырцовых кирпичей 50–52 x 38 x 6–7 см. Выявленная пока высота стены до 3,0–2,5 м. В IX в. она, судя по всему, уже была частично застроена. Обнаружены две впущенные в ее тело мусорные ямы. В одной из них (№ 3/12) помимо комплекса керамики, найден неполный комплект бронзовых накладок конской уздечки⁴, которые датируются по сибирским и европейским аналогиям IX–X вв.

Неполный комплект состоит из восьми коротких накладок (рис. 7: 5–12), трех наконечников или накладок, близких им по форме (рис. 7: 13, 14, 15), прямоугольных обоймиц, одной мелкой накладки округлой формы, украшенной орнаментом в виде креста с раздвоенными концами, закрученными в волюты на 3/4 оборота (рис. 7: 4), накладки, формой напоминающей сердцевидные, а также наносного султанчика (рис. 7: 1). Последний представляет собой очень короткую трубку и короткий же раструб на квадратном основании с выступающими на углах.

Короткие накладки с крыловидным вырезом сверху и плавным под-

треугольным окончанием украшены растительным орнаментом в виде изображения древовидного побега со сходящимися наверху ветвями, который образует сердцевидную фигуру. Несколько выше центрального ствола, от боков сердцевидной фигуры отходят по волоте оканчивающейся двухчастной полупальметтой.

Все бронзовые детали набора литые, крепились к кожаной основе с помощью шпеньков и обоймиц. В момент попадания в бадраб детали были закреплены на кожаной основе (на это указывают расклепанные шпеньки с шайбочками). Набор явно служил для украшения оголовья верховой лошади.

Подобные типы уздечных украшений широко представлены на городищах Чуйской долины, где датируются в рамках второй половины IX–X вв. (Торгоев, 2011, с. 73). В качестве наиболее близкой аналогии всему комплексу можно привести детали уздечного набора из насыпи кургана 6 могильника Гилево IX на северо-восточном Алтае (Могильников, 2002, рис. 69). Дата комплекса на основании аналогий не может ранее середины IX в., когда такие украшения появляются у кочевников кимакского объединения и соседних кочевых племен. Бытуют такие украшения весь X в. В классификации Т.Г. Горбуновой аналогичные формы наконечников уздечных ремней отнесены к X в. (Горбунова, 2003).

Помимо деталей уздечного набора, из бадраба происходит и керамический комплекс, состоящий из фрагментов двуручных горшков, кувшинов с ручкой, тагора, миски. Из всего комплекса посуды выделяется крупная археологически целая светлоглиняная миска с фестончатым краем,

⁴ Определение и описание уздечных накладок принадлежит А. Торгоеву.

изготовленная на гончарном круге. Миски большого диаметра с крупными фестонами типичны для керамики Согда, но они появляются позже, чем кружки и чаши с фестончатым венчиком. Наиболее ранний образец подобной миски встречен в керамическом комплексе с полов аптеки в Пайкенде. Весь комплекс на основании арабской надписи на черепке, содержащей дату – 30 июня 790 г., может быть датирован самым концом VIII в. (Мухамеджанов и др., 1988, с. 61, рис. 5). В Пайкенде подобные миски встречаются в основном в керамических комплексах IX – начала X вв. (Семенов и др., 2000, рис. 111-1; Семенов и др., 2002, рис. 35).

Таким образом, дата прямых аналогий этой керамической чаше не противоречит дате, полученной по металлическим украшениям уздечки, и весь комплекс керамики из этого бадраба может быть датирован в рамках второй половины IX – X вв.

Логично предположить на этом основании, что жилые постройки IX–X вв. располагались на всей пахсо-сырцово-платформе, в которую были «утоплены» ранние постройки древней цитадели, включая древнюю крепостную стену, «угловое здание», юго-восточное и крестообразное строение. Они, естественно, образовывали в стратиграфии Культобе отдельный строительный горизонт, но от него на этом месте сохранились лишь заполнения мусорных ям. В них помимо двух интересных масляных курильниц – одной в виде керамического сапожка, другой – цилиндрической с изображениями каких-то странных животных или птиц, – обнаружен небольшой комплекс глазурованной керамики X в. (Смагулов и др., 2011,

рис. 2, 3). Т.е., мусорные ямы-бадрабы, скорее всего, были устроены на стене во второй половине IX в., и этим временем (или же началом X в.) мы можем датировать капитальную реконструкцию фортификации цитадели Ясы. Древняя стена, похоже, в это время частично срубается. Ее обломки идут на забутовку прилегающих строений. Поверхность стены с забутованными окрестными постройками становится платформой, на которой, немногим отступя на восток, возводится новая средневековая кирпичная стена. Ее толщина была около 2,6 м и отстояла она от древней стены на 2,0–2,4 м. При этом в ее основание устанавливаются керамические горшки с жертвенной пищей, подношением неким духам/богам. Два таких керамических горшка, явно содержавшие какую-то жертвенную ритуальную пищу в виде «строительной жертвы», найдены нами на уровне +07 и +22 см от R_0 .

На одном из них имеется руническая надпись (рис. 8: 1, 3). Сосуд довольно вместительный. Его высота 23 см, диаметр венчика 18 см. В него помещается ровно 7 литров воды. Две небольшие пластинчатые ручки (шириной 2,5 см) прикреплены к плечикам сосуда. Верхняя часть горшка, очевидно, сформована на гончарном круге, а нижняя, донная его часть – на подставке. Размашистая надпись размещена от венчика сосуда к донцу, т.е. вертикально направленными строками, и нанесена еще до обжига по сырому тулову. Выше двух хорошо сохранившихся строк и ранее их была еще одна короткая строка худшей сохранности. Т.е. мы имеем трехстрочную надпись, состоящую более чем из двух десятков рунических знаков.

Рис. 8. Керамические горшки из средневековой стены цитадели (1, 2) и прорисовка рунической надписи на горшке 1 (3).

По заключению И.Л. Кызласова, надпись относится к так называемому «ачикташскому письму» и может быть датирована IX в. Письменность на основе «ачикташского алфавита» пока остается загадкой для специалистов и не дешифрована⁵. Однако появившиеся в последнее время находки образцов ее в слоях городищ свидетельствует о возможной связи их с огузским населением присырдаринских городов. При этом известный тюрколог подчеркивает, что ачикташская руническая письменность принадлежит к западной ветви рунического письма – к так

называемой «евроазиатской группе», имевшей совершенно самостоятельное происхождение, не зависевшее от орхонского, енисейского или таласского алфавитов.

Найденные на Культобе горшок с рунической надписью на боку мог быть частью строительного ритуального жертвоприношения, сделанного при сооружении или ремонте крепостной стены цитадели Ясы/Туркестан. Горшок найден совершенно пустым и вертикально стоящим в массе строительной пахсы в основании крепостной стены. Даже обычных в таких случаях натеков на дне не было, но ясно, что изначально он содержал какую-то пищу (молоко, кашу?), которая, естественно, совершенно истлела, так же

⁵ Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность И.Л. Кызласову за ценные консультации.

как и органическая крышка (материя, кожа?), закрывавшая его устье.

По археологическим и этнографическим данным известны свидетельства о древних и традиционных строительных жертвах (Байбурин, 1979, с. 53–65; Курбатов, 2011, с. 202–219). Как показывают исследования, в качестве строительных жертв могли выступать самые различные предметы. Часто в этой роли выступают и жертвенные горшки с обрядовой пищей.

Косвенным подтверждением такой трактовки явилась находка, буквально в метре от горшка с надписью и практически на том же уровне другого керамического горшочка, закрытого вместо крышки плоским круглым камнем (рис. 8: 2). Сосуд гончарного изготовления, не новый, а даже треснувший и отремонтированный посредством сыромятных стяжек через маленькие отверстия вдоль трещины. По верхней части плечиков расположен поясок с волнистой линией. На дне оказался слой пылевидного грунта, который взят на анализ. Размеры: высота 17 см, наружный диаметр венчика 12 см, диаметр дна 11 см.

К тому же, по мнению И.Л. Кызласова, ныне известные рунические надписи Казахстана и Кыргызстана в большинстве своем имели культовое назначение. Так, наскальные письмена, выполненные таласской письменностью IX–X вв., отражают воздействие сибирско-тюркского манихейства и воздействие связанного с

ним енисейского алфавита. Весьма вероятно, что влияние енисейской письменности, отмечаемое в надписях на сосудах из присырдарьинских городов, как и появление прежде не свойственных для ачикташского письма наскальных надписей (Тозбулак, А2 и Кемер, А5) также может быть связано с распространением манихейства, идущем уже из сибирско-тюркских религиозных центров, применявших руны в качестве сакральной письменности (Кызласов, 2005а, с. 46–55; 2005б, с. 54–67; 2010, с. 345–346).

Таким образом, получаемые при исследовании древнейших слоев Туркестана новые материалы уже вносят много нового в понимание процессов урбанизации в регионе в целом, и в древнюю историю Туркестана, в частности. Например, по двум независимым датам (узденная гарнитура и руническая надпись) мы можем теперь датировать IX веком время масштабной реконструкции фортификационной системы цитадели города Ясы.

Археологические исследования Культобе в Туркестане обнаружили и частично вскрыли уникальный для региона архитектурный комплекс застройки древней цитадели. Имеющиеся материалы позволяют отнести время ее строительства к первым векам новой эры, что вносит значительные коррективы в имеющиеся реконструкции ранних этапов истории города Туркестан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А.К. «Строительная жертва» и связанные с ней ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. – Л., 1979.
2. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Лялака. – Фрунзе, 1962.

3. *Брыкина Г.А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. – М., 1982.
4. *Брыкина Г.А.* Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // *Прошлое Средней Азии.* – Душанбе, 1987.
5. *Веселовский Н.* Алебастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // *Известия ИАК.* Вып. 35. – СПб., 1910а.
6. *Веселовский Н.* По поводу ответа В.А. Городцова // *Известия ИАК.* Вып. 37. – СПб., 1910б.
7. *Горбунова Т.Г.* Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) // *Древности Алтая.* Вып. 11. – Барнаул, 2003.
8. *Городцов В.А.* Бахмутинская «миниатюрная каменная баба» (ответ проф. Н.И. Веселовскому) // *Известия ИАК.* Вып. 37. – СПб., 1910.
9. *Кардаш О.В.* Городок Сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). – Екатеринбург, 2011.
10. *Кругликова И.Т.* Идолы из Дильберджина // *История и культура античного мира.* – М., 1977.
11. *Курбатов А.В.* Строительные жертвы в ранней Ладогe и традиция «прикладов» в Восточной Европе и Сибири (средневековье и новое время) // *Записки ИИМК РАН.* Вып. 6. – СПб., 2011.
12. *Кызласов И.Л.* Таласские наскальные надписи // *РА.* – 2005а. – № 2.
13. *Кызласов И.Л.* Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана.* Вып. 1. – Бишкек, 2005б.
14. *Кызласов И.Л.* Прочтение рунической надписи урочища Актерек // *Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана.* – Алматы, 2010.
15. *Левина Л.М.* К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре // *История, археология и этнография Средней Азии.* – М., 1968.
16. *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тыс. н.э. – М.: Наука, 1971.
17. *Левина Л.М.* Этнокультурная история восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М.: Восточная литература, 1996.
18. *Литвинский Б.А.* Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. // *Тр. Ин-та истории АН Тадж. ССР.* – 1961. – Т. 27.
19. *Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968.
20. *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002.
21. *Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. – Ташкент, 1988.
22. *Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К.* Раскопки в Пайкенде в 1999 г. // *Материалы Бухарской археологической экспедиции.* Вып. 1. – СПб., 2000.
23. *Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Бехтер А.В., Адылов Ш.Т., Малкиель И.К., Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И.* Раскопки в Пайкенде в 2001 г. // *Материалы Бухарской археологической экспедиции.* Вып. 3. – СПб., 2002.
24. *Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И.* Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана // *Материалы междунаро. науч. конф.*

«Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвящ. 20-летию независимости республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. III. – Алматы, 2011.

25. Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII вв. (вопросы хронологии) // Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Библиотека ГЭ. – СПб., 2011.

26. Умеренкова О.В. Украшения эпохи бронзы западной Сибири (археологический и исторический аспекты). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2011.

Информация об авторе:

Смагулов Ербулат Акижанович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); az_sultan2015@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE ANCIENT TURKESTAN: RESULTS OF 2011–2012

E.A. Smagulov

The results of the 2011–12 excavations on the Eski-Turkestan site conducted by the Turkestani archaeological expedition (Institute of archaeology named after A. Margulan) are presented. The site contains the remains of the ancient town of Yasy (modern town of Turkestan, South Kazakhstan oblast). The aim of the excavations was to study the earliest layers of the settlement, the primary stages of the city formation, and to identify construction elements of the ancient citadel in particular. It has been established that the most ancient nucleus of the city was located under Kultobe hill on the eastern edge of the settlement. The oldest architectural object of the citadel is a cruciform construction with powerful rammed clay defensive walls having narrow loopholes, preserved to a height of over 3 m. The three rooms were connected by arched doorways. In the second construction horizon, a building with long narrow rooms around a small open courtyard had been added to this “castle”. During this period, around the perimeter of the citadel powerful rammed clay and mud-brick defensive walls had been erected, with the space between them and the extended castle being just partially built up. These two periods can be dated to the 1st–3rd centuries AD. This stage comes to an end with defeat and a fire. In the fire layer, numerous ceramic vessels in disassembling have been found. Individual unique finds have been made, and alabaster idols are of special interest. The restoration of the fortification wall and a new stage of the citadel development refer to the 9th–11th centuries. At the base of the new wall, pots with sacrificial food have been discovered, one of them bearing a runic inscription.

Keywords: archaeology, South Kazakhstan, Turkestan, 1st–3rd centuries AD, the Early Middle Ages, ancient settlement site, citadel, cruciform construction, defensive wall, alabaster idols, pottery.

REFERENCES

1. Baiburin, A. K. 1979. In *Problemy slavianskoi etnografii: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia chl.-kor. AN SSSR D. K. Zelenina (Problems of Slavic Ethnography: to the Anniversary of 100 Years from the Birth of D.K. Zelenin, Corresponding Member of AN SSSR)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 155–162 (in Russian).

2. Baruzdin, Yu. D., Brykina, G. A. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki Batkena i Lialaka (Archaeological Sites of Batken and Lyalak)*. Frunze (in Russian).
3. Brykina, G. A. 1982. *Iugo-Zapadnaia Fergana v pervoi polovine I tysiacheletii nashei ery (South-Western Fergana in 1st Half of the First Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Brykina, G. A. 1987. In *Proshloe Srednei Azii (The Past of Central Asia)*. Dushanbe: "Donish" Publ., 52-58 (in Russian).
5. Veselovskii, N. I. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 35. Saint Petersburg (in Russian).
6. Veselovskii, N. I. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 37. Saint Petersburg, 98–102 (in Russian).
7. Gorbunova, T. G. 2003. In *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of Altai: Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 11. Gorno-Altaysk, 112–123 (in Russian).
8. Gorodtsov, V. A. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 37. Saint Petersburg, 89–97 (in Russian).
9. Kardash, O. V. 2011. *Gorodok Sikhirtia v Bukhte Nakhodka (pervye rezul'taty issledovaniia) (Hillfort of Sikhirtia of the Nakhodka Bight. The First Research Results)*. Yekaterinburg; Nefteiyugansk: "AMB" Publ. (in Russian).
10. Kruglikova, I. T. 1977. In Kobylina, M. M. (ed.). *Istoriia i kul'tura antichnogo mira (History and Culture of Ancient World)*. Moscow: "Nauka" Publ., 87–91 (in Russian).
11. Kurbatov, A. V. 2011. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Transactions of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 6. Saint Petersburg, 212-222 (in Russian).
12. Kyzlasov, I. L. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 46–55 (in Russian).
13. Kyzlasov, I. L. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana (Materials and Studies on the Archaeology of Kyrgyzstan)* 1. Bishkek, 54–67 (in Russian).
14. Kyzlasov, I. L. 2010. In Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T., Masanova, L. E. (eds.). *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledii Kazakhstana (The Role of Nomads in the Formation of the Cultural Heritage of Kazakhstan)*. Almaty: "Print-S" Publ., 345–347 (in Russian).
15. Levina, L. M. 1968. In Vinogradov, A. V., Vorob'eva, M. G., Zhdanko, T. A., Itina, M. A., Levina, L. M., Rapoport, Yu. A. (eds.). *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Srednei Azii (History, Archaeology and Ethnography of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 167–178 (in Russian).
16. Levina, L. M. 1971. *Keramika nizhnei i srednei Syrdar'ii v I tys. n.e. (Ceramics of the Lower and Middle Course of Syrdarya in I Millennium AD)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition) 7. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region: I Millennium BC — I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
18. Litvinskii, B. A. 1961. In *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikestane (Archaeological Investigations in Tajikistan)* VI = Trudy Instituta istorii AN Tadzhikskoi SSR im. A. Donisha (Proceedings of the Institute of History named after A. Donish, Academy of Sciences of Tajik SSR) 27. Stalinabad, 73–74 (in Russian).
19. Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary. Arkheologicheskie issledovaniia v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha (Antiquities of Chardara: Archaeological Investigations in the Chardara Water Reservoir Area)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Mogil'nikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in 9th–11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Mukhamedzhanov, A. R., Mirzaakhmedov, D. K., Adylov, Sh. T., Semenov, G. L. 1988. *Gorodishche Paikend. K probleme izucheniia srednevekovogo goroda Srednei Azii (Paikend Fortified Site: on Studying Central Asian Medieval Town)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
22. Semenov, G. L., Mirzaakhmedov, D. K. 2000. In *Materialy Bukharskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Bukhara Archaeological Expedition)* 1. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Russian).
23. Semenov, G. L., Mirzaakhmedov, D. K., Bekhter, A. V., Adylov, Sh. T., Malkiel', I. K., Saparov, N. Zh., Torgoev, A. I. 2002. In *Materialy Bukharskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Bukhara Archaeological Expedition)* 3. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Russian).
24. Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., Torgoev, A. I. 2011. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives)* III. Almaty: "Hikari" Publ., 61–71 (in Russian).
25. Torgoev, A. I. 2011. *Remennye ukrasheniia Semirech'ia V – nachala XIII vv. (voprosy khronologii) (Belt Decorations of Semirechye, 5th — Early 13th Centuries: Issues of Chronology)*. PhD Diss. (manuscript). Saint Petersburg: Biblioteka GE (in Russian).
26. Umerenkova, O. V. 2011. *Ukrasheniia epokhi bronzy zapadnoi Sibiri (arkheologicheskii i istoricheskii aspekty) (Bronze Age Decorations of Western Siberia: Archaeological and Historical Aspects)*. PhD Thesis. Kemerovo (in Russian).

About the Author:

Smagulov Yerbulat A. Candidate of Historical Sciences, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; az_sultan2015@mail.ru

